

Прежде всего, данная концепция универсализирует специфический исторический опыт Европы и кладет его в основу понимания всеобщей истории. Негласный европоцентризм препятствует осмыслению глобального по своему характеру экологического кризиса, требующего планетарной системы отсчета истории.

Безусловно, идея прогресса как имманентного смысла истории не вписывается в экологическую парадигму сознания: неуклонный рост системы неизбежно приводит к нарушению ее экологического равновесия со средой. Попытки выдумать какой-то новый, "экологически чистый" вид прогресса в принципе проблеме не снимает.

Кроме того, убеждение в наличии независимой от воли и сознания людей и в конечном счете благой для человека логики исторического процесса едва ли уместно в ситуации, когда физическая гибель человечества оказывается вполне реальной возможностью. Императив ответственности человека за само существование истории несовместим с верой в ее провиденциальную гарантированность и высшую целесообразность.

"Всемирность" истории означает не только ее повсеместную распространенность, но и ее без-местность, отсутствие локальной укорененности, безразличия к любой конкретной точке географического пространства. Предполагается существование замкнутого и самодовлеющего "мира истории", специфическая упорядоченность которого не имеет ничего общего с порядком природных событий. Природная среда общественной жизни не входит в существо историчности и ее воздействие на ход исторических событий интерпретируется как внешний фактор, случайный и не имеющий принципиального значения. Поэтому в пределах концепции "всемирной истории" вызванные экологическим кризисом проблемы не только не могут получить правильного разрешения, но даже не могут быть правильно поставлены.

Таким образом, концепция "всемирной истории", несмотря на ее глубокую укорененность в сознании современного человека, методологически бессильна перед лицом экологического кризиса. Входящие в ее ядро представления, возникшие из конкретного исторического опыта, в настоящее время превратились в изжившие себя предрассудки, "идолы", препятствующие осознанию исторического смысла и масштабов опасности кризиса.

Концепция исторического процесса должна строиться таким образом, чтобы экологическая ситуация оказывалась не внешним, а внутренним фактором исторических событий. Иными словами, речь идет о существенной коррекции концептуального видения исторической реальности — ее границ и основных характеристик.

"Экологизирующее" перепрочтение истории с опорой на конкретный материал могло бы послужить содержательной основой разработки такой философско-исторической модели, которая была бы релевантной современному экологическому кризису.

¹ См.: Свенцикая И. С. От общины к церкви. М., 1985. С.106.

² См.: Соловьев Э. Ю. // Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С.161.

³ Там же. С.171.

⁴ Гизо. История цивилизации в Европе. СПб., 1864. С.8.

⁵ См.: Соловьев Э. Ю. // Новые тенденции в западной социальной философии. М., 1986.

М.Н. МАЛИНОВСКИЙ

СИСТЕМА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЭКОСОЗНАНИЯ

В условиях современного глобального экологического кризиса в культуре вызревает идея цивилизационного поворота, понимаемого как переориентация с идеала локальной цивилизации на идеал цивилизации глобальной. Этот идеал предполагает формирование социоприродного комплекса в виде планетарного единства, основанного на гармоничном взаимодействии между человечеством и природой. В качестве одного из основных условий становления глобальной цивилизации выступает ее опора на разнообразие этнокультурных традиций — своего рода этнокультурный полицентризм. Иначе говоря, глобальная цивилизация не требует тотальной вестернизации. Безусловно, западные образы рыночной экономики, демократического государственного устройства и т.п. подтвердили свою операциональность и экстраполяционный потенциал. Однако в антропоприродных отношениях западная парадигма природопользо-

вания, базирующаяся на презумпции потребления преобразованного вещества природы, обнаруживает в настоящее время серьезную уязвимость. Идеал глобальной цивилизации актуализирует те апробированные в многовековой практике модели социоприродных отношений, которые транслируются этнонациональными культурными традициями. Речь не идет о некритичном воспроизведении традиционных аграрных технологий и искусственной реанимации тех представлений об антропоприродном единстве, которые были характерны для первобытных культур, – современная экологическая культура может строиться лишь на основе новейших достижений науки и технологий.

Вместе с тем идеал глобальной цивилизации актуализирует в контексте диалога культур те этнонациональные традиции, которые могут быть охарактеризованы как экофильные и чье влияние на массовое сознание обладает несомненным экологическим потенциалом.

Человек вышел из лона природы, и это было зафиксировано земледельческой культурой в представлении о природе как едином одухотворенном космосе, живом организме. Человек аграрной культуры ощущает себя частью этого природного целого. Так, мотив сращенности с природой, слитности с ней, растворения в ее ритмах присутствует в “обращении к богине” (воде), записанном в Египте в 1-ой половине III тысячелетия до н.э.: “О ты, шагающая так широко. Сеющая смарагды, малахит и бирюзу, словно звезды. Когда цветешь ты, цвету и я. Цвету, подобно живому растению”¹. Подобные интенции аграрной культуры, ориентированные на бесконфликтное антропоприродное взаимодействие на уровне конкретной микроландшафтной зоны, прослеживаются на протяжении всей истории человечества, сохраняясь вплоть до XX в. Вот как звучало магическое заклинание поля после жатвы в начале нашего столетия в центральной России: жнеи катались по земле, приговаривая – “Жнивка, жнивка, отдай мою силку! На пест, на колотило, на молотило!”²

Известно, что человек всегда пытался каким-либо образом повлиять на природные явления. Длительная история земледельческой культуры создала для этой цели институт магии.

Искаженное понимание взаимосвязей природных явлений превращало магию в источник закрепления в коллективном сознании различного рода суеверий. Однако магическая практика не преследовала целей полностью изменить природные ритмы. Для представителей аграрной культуры было важно сохранять достигнутый однажды уровень своего благосостояния, и какие бы то ни было попытки кардинального воздействия на природу были крайне нежелательны, ибо с большой вероятностью вели к непредсказуемым последствиям. Направленность аграрной культуры можно выразить суждением: “Не старайся сделать лучше, старайся сделать не хуже”.

Поддержание стабильности в отношениях с природой – одна из важнейших задач земледельца. Этому способствовали и циклическое восприятие времени в традиционной культуре, и культ предков, объединявший “вчера и сегодня”. В самом деле: из года в год повторяющиеся события социальной жизни земледельческой общины и явления природы создавали представления о цикличности времени, его замкнутости. В древнегреческой мифологии это свойство времени отражено в повторяемости событий. В славянской культуре выделен другой аспект этого же порядка: предшествующие моменты времени непосредственно связаны и влияют на последующие. Например, согласно русскому земледельческому календарю, “какая погода бывает 1 апреля, такова она будет и 1 октября”, “коли 3 декабря снег будет, то 3 июня дождь пойдет”³ и т.п.

А культ предков заставлял человека соблюдать порядок, который был когда-то раньше. Авторитет прошлого заставлял земледельца воспроизводить закрепленную практикой предков систему действий, поддерживавших оптимальное состояние окружающей среды.

Консерватизм является одним из атрибутивных признаков такой культуры. Стабильность, статичность старательно поддерживались не только в отношениях “человек–природа”, но по аналогии переносились на все другие стороны жизни, в том числе и на познавательную деятельность. Тем не менее именно аграрная культура дала и совершенно противоположный по своей направленности феномен. Земледельцу было важно собрать богатый урожай: чем богаче он был, тем стабильней становилась жизнь членов аграрного общества. Именно это явление и породило внутреннюю установку земледельцев на перманентное расширение масштабов своей деятельности, что породило экспансивное отношение к природе. Эта тенденция имеет чрезвычайно древнее проис-

хождение — она восходит ко времени появления производящего хозяйства. Закрепляясь в течение тысячелетий, она стала характерной чертой человеческого отношения к природе. В период промышленных революций в Западной Европе стремление человечества к тотальной экспансии проявилось с новой силой, ибо оно получило для этого мощный инструмент научного познания. В этой связи ученые Нового Времени, которых принято считать отцами классической науки, были лишь детьми своей эпохи. Развивая идеи о мощи человеческого разума, они, в историческом контексте, были исследователями концепций гуманистов Ренессанса, основанных на неограниченном антропоцентризме. Наука таким образом выступила в качестве орудия "покорения" природы, серьезно дискредитировав себя как институт, способный предложить альтернативу антиэкологической деятельности человеческого общества.

Несмотря на свой консерватизм, аграрная культура обладает качеством, без которого немислимо построение современного типа экосознания. Речь идет об эстетическом восприятии природы.

У человека традиционной культуры еще отсутствовало понятие об ойкумене, но был развит образ дома, который часто включал в свои пределы и лес, и поле, где человек чувствовал себя комфортно. В лесу проводились хороводы и гуляния на Троицу, игрища на Иванов день, различного рода обряды, сопровождавшиеся заклинаниями, в которых подчеркивалось родство человека с окружающим миром. Например, такое: "Земля матери, благослови меня травы брати, и трава мне матери!"⁴ Окружающие человека поля, леса, реки, луга представляли для него ценность, но в них же он находил и красоту, предмет любования. Эстетизм в восприятии природы воплощен даже в детских загадках: "В поле сережки на тоненькой ножке" (овес); "Комочек пуха, длинное ухо, прыгает ловко, любит морковку" (заяц)⁵. Эстетическое отношение к природе, стремление к сохранению стабильности существующих отношений сделали одной из характерных черт человека традиционного типа его созерцательность.

Однако индустриальное общество изменило природу настолько, что созерцательности для понимания сущности происходящих процессов оказывается недостаточно, а статичные условия существования аграрной культуры уже практически не отвечают возросшим требованиям. Человечество обращается к научному знанию, ища в его потенциальных возможностях средство для выхода из кризиса.

Возникнув как феномен приспособления человека к непрерывно изменяющимся условиям существования, как средство сообразования потребностей общества с реалиями его существования, научное знание позволило человеку не только поддерживать стабильность в тех отношениях с окружающей средой, которые были для него важны (т.е. в системах, обеспечивающих его существование: сельское хозяйство, горное дело и т.п.), но и осуществить внутреннюю установку на экспансию окружающего мира, получение от него непрерывно возрастающего потока благ. Природа в этом контексте становится для человечества неисчерпаемой кладовой сырья и различного рода запасов.

Научное знание позволило человеку избавиться от страха перед силами природы, почувствовать себя ее хозяином. Однако сложность и многоплановость проблемы корреляции социального и природного элементов существования человечества обусловили ряд противоречий в концепциях, определяющих направление развития этих форм человеческого бытия.

Так, поддержание в экосистемах по возможности наибольшего видового разнообразия является залогом их стабильного существования. Это означает, что монокультурным ценозам, т.е. полям сельскохозяйственных монокультур, в такой модели места нет. Современный тип сельхозпроизводства, таким образом, должен бы быть объявлен нецелесообразным по экологическим соображениям. Возникает противоречие и между традиционными установками общества на укрупнение, централизацию, максимизацию, стандартизацию, специализацию, концентрацию⁶ и обозначенной тенденцией к многообразным структурам.

Характерной чертой классической науки является ее механицизм, влиянием которого были обусловлены принципы научного исследования. Предполагалось, что объект научного рассмотрения расчленяется на составные части, каждая из которых может исследоваться независимо от других. Со временем такой подход стал проявляться в дисциплинарной узости научных исследований, когда накапливается огромный фактический материал в отдельных науч-

ных областях, но общую картину составить чрезвычайно сложно. Кроме того, разобщенные исследования частей какого-либо единого процесса или явления породили ложную иллюзию, что манипуляции в одной, достаточно автономной части экосистемы не приводят к каким-либо изменениям в другой ее части.

Уверенность в могуществе человеческого разума, которую давала прогностическая ориентация науки в купе с описанными явлениями, подвигали человечество на активное вмешательство в цепи природных процессов. Это неизбежно привело к нарушению природного баланса. Современная наука увидела решение проблемы в системных исследованиях. Однако установки коллективного сознания крайне консервативны, особенно в сфере жизнеобеспечения социума. Поэтому у большинства членов современного общества взгляд на направленность социоприродной деятельности до сих пор не изменился.

В ряду факторов, влияющих на экологический потенциал науки, важное место занимает установка научного сообщества на объективность знаний, их полноту и прогностический характер. Традиционная культура с ее направленностью на поддержание раз и навсегда зафиксированного баланса в системе "человек-природа" не нуждается в указанных характеристиках. Она выработала своеобразное, присущее только ей, средство адаптации к среде в форме эстетически-поэтического восприятия природы. Естественно, научное сообщество не может использовать такой подход, ибо поэтические, аксиологически нагруженные образы не могут быть однозначно воспринимаемыми, объективными и атрибутивно полными в одно и то же время. Отсутствие этих качеств в традиционной культуре не позволяло ей проводить объективный анализ экологической ситуации и строить долговременные прогнозы своего развития. Кроме того, аграрная культура не располагает ресурсами науки (например, в виде метода системного моделирования, гибких технологий и др.), которые позволяют изменять формы бытия общества, коррелируя их с изменяющимися условиями окружающей среды. В этой связи выглядят абсолютно бесперспективными призывы некоторых членов общественного экологического движения "вернуться в природу". Разукрупнение промышленности и биорегиональное деление территорий, предлагаемые "зелеными", несомненно, полезны для природной среды, но отказ от промышленного производства вообще, воспроизводство только тех структур, которые непосредственно удовлетворяют лишь элементарные потребности, чреватые прекращением всякой производительной и познавательной деятельности вообще. Потенциал науки является достаточным для того, чтобы человечество могло вернуться к натуральному хозяйству, однако это означало бы его деградацию. Экологическая пластичность научного знания позволяет найти выход из тупика, в котором мы оказались. И если до последнего времени эта пластичность использовалась для того, чтобы изменить окружающий мир, приспособив его исключительно к нуждам человека, то теперь все усилия науки направлены на гармонизацию отношений социума с естественными природными циклами. Кроме того, природный универсум находится в постоянном развитии, поэтому государственная политика охраны природы, направленная на сохранение отдельных видов флоры и фауны, отдельных ландшафтных зон, — это, по выражению социальных экологов, "арьергардный бой в попытке свести потери при отступлении до минимума"⁷. Человечество не должно пытаться сохранять зафиксированную панораму экологических связей, а направлять усилия на корреляцию ритмов своего существования с естественными природными циклами.

Совершенно очевидно, что выход из экологического кризиса находится на путях создания новой экологической культуры, органично сочетающей в себе, с одной стороны, современные промышленные и аграрные технологии, новейшие достижения естествознания, а с другой — актуализированные экофильные ценности традиционной культуры.

¹ Круть И. М. Очерки истории представлений о взаимодействии природы и общества. М., 1988. С.21.

² Круглый год. Русский земледельческий календарь. М., 1991. С.254.

³ Там же. С.335.

⁴ Там же. С.315.

⁵ Там же. С.473.

⁶ Полищук М. Л. В преддверии натиска третьей волны. М., 1988. С.49.

⁷ Круть И. М. Указ.соч. С.401.